

Глава первая

День начался отвратительно. Во-первых, убежал кофе, и темно-коричневая гуща с шипением залила девственно чистую хозяйкину плиту. Во-вторых, порвались старые любимые кроссовки, на этот раз окончательно. Теперь их осталось только выбросить. В-третьих, с утра небо затянулось плотными, тяжелыми тучами, лил тоскливый дождь.

Оттирая тряпкой плиту, Маша Кузьмина злилась на себя и на весь мир. За три дня отдыха в курортном городе она устала больше, чем за месяц сессии. В который раз она ругала себя последними словами за то, что поддалась на Санины уговоры, не стала ждать, пока он освободится, поехала одна, чтобы лишние пять дней поплавать в море, позагорать, а не сидеть в раскаленной, загазованной Москве. Тем более билет уже был. Она вспомнила, как Саня на все ее робкие сомнения отвечал со смехом:

— Ты что, считаешь себя Шерон Стоун или Клаудией Шиффер? Ты думаешь, каждый встречный мужик будет на тебя бросаться с ревом? Запомни раз и навсегда: если женщина не хочет, к ней никто не пристанет, пальцем не тронет. Хочет она или нет, всегда написано у нее на лице крупными буквами.

— А если попадутся такие, которые не умеют читать даже крупные буквы? — неуверенно возражала Маша.

— У нас уже семьдесят лет обязательное среднее образование, — отвечал Саня.

Тогда, в Москве, Маше казалось, что он прав. А здесь, в курортном городе, она сразу поняла: нет, не прав был Саня. Теперь нужно только дождаться его и это объяснить. Ждать осталось всего два дня.

Он, конечно, не поверит, поднимет на смех, изведет язвительными замечаниями, и в итоге она будет чувствовать себя идиоткой, вообразившей, будто все мужское население сходит по ней с ума. Ха-ха, какая гадость!

Одной ехать на юг нельзя, во всяком случае, когда тебе девятнадцать, у тебя две ноги, две руки и голова не набок. В Москве Маша этого не понимала. В последний раз она отдыхала на море с родителями в семилетнем возрасте, причем именно здесь, в этом курортном городе. Остались радужные воспоминания о море, солнце и фруктах. Санина идея съездить к морю вместе недельки на две показалась Маше просто замечательной.

Саня Шарко был ее сокурсником. Роман их начался недавно, но очень бурно. Машины родители ни за что не отпустили бы ее на юг с мальчиком. Они все не понимали, что ей уже девятнадцать, относились как к неразумному младенцу. Пришлось соврать, будто подруга-сокурсница из Севастополя пригласила погостить недельки две. Родители посомневались, но отпустили. Не сидеть же девочке два летних месяца после сессии на даче в Березках, в крошечном двухкомнатном «курытнике», на четырех сотках! А отдых на море семья уже давно себе позволить не могла. Папа, доктор искусствоведения, получал копейки. Мама, бывшая балерина, вела детскую хореографическую студию и получала немногим больше папы. Про Машину стипендию и говорить смешно. Денег едва хватало на жизнь. Какое уж тут море!

Когда билеты на поезд были уже куплены, а севастопольская подруга предупреждена на всякий случай, оказалось, что Саню пригласили на телевидение сыграть красавца вампира в какой-то новомодной детской передаче. Мелькнуть на телеэкране не откажется ни один нормальный студент театрального вуза, к тому же деньги посулили приличные, для отдыха на море вовсе не лишние. Маша хотела остаться в Москве и дожидаться Саню. Но пришлось бы заново врать родителям. Саня уверял, что за эти пять дней ничего с ней

не случится, и сама она не особенно сомневалась. Чего ей бояться? И с какой стати? Она ведь взрослый человек.

Санин билет легко обменяли, договорились, что она встретит его на вокзале через пять дней. Маша села в поезд, чувствуя себя независимой и самостоятельной.

Но в курортном городе с первых же часов все пошло у нее наперекосяк.

Комнату Маша сняла по-дурацки, у первой же тетки, поймавшей ее на вокзале. Тетка ловко подхватила Машин рюкзачок, ласково заворковала, пообещала душ, отдельный вход и назвала вполне терпимую цену.

Вход был вовсе не отдельный, душ оказался безнадежно сломанным, а хозяйка на редкость общительной. Сначала Маша хотела заплатить только за пять дней, но хозяйка заявила, что так не делают, и потребовала отдать деньги вперед, сразу за две недели.

«Ничего. Саня придет, мы найдем что-нибудь получше. Ему она деньги вернет как миленькая», — решила Маша и успокоилась. Но ненадолго.

На грязном городском пляже к ней тут же подсели два бугая в татуировках:

— Девушка, вам не скучно одной?

Маша их отшила вежливо и быстро. Но через десять минут подошел лысеющий хлыщ с треугольной бородкой, прочитал длинную лекцию о вреде ультрафиолетовых лучей, а потом с легким пыхтением предложил:

— Если позволите, я намажу ваше тело солнцезащитным кремом. Он с ментолом, это очень эротично.

Отшить хлыща оказалось сложнее, чем амбалов. Он прилип со своим «эротичным кремом» и, как бы далеко его Маша ни посылала, отлипнуть не хотел. В конце концов пришлось уйти с пляжа.

Но самое неприятное началось вечером, когда Маша решила просто погулять по набережной. Амбалы, хлыщи, всякого рода сомнительные молодые люди то и дело предлагали скрасить ее одиночество. Маша очень быстро поняла:

с вечерними прогулками до Саниного приезда лучше погодить.

«Значит, на пляж нельзя, гулять по городу нельзя, — зло думала Маша, — что же остается? Валяться в комнате на койке с утра до вечера или сидеть во дворе и общаться с хозяйкой?»

Вглядываясь в потресканное зеркало над умывальником, Маша пыталась понять, что же такое написано на ее лице.

Она, конечно, хорошенькая, даже красивая — иногда, когда захочет. Но дело вовсе не в этом. Она успела заметить, что все эти амбалы и хлыщи даже не особенно разглядывают ее, прежде чем пристать со своими «эротическими кремами» и прочими пакостными любезностями. Просто видят одинокую женскую фигурку — и вперед с песней:

— Девушка, вам не скучно одной?

Для этого не надо быть ни Шерон Стоун, ни Клаудией Шиффер. Просто воздух здесь такой — располагающий к пакостным любезностям. Возможно, кому-то это нравится, даже специально за этим приезжают. Каждый развлекается по-своему.

В первый же вечер, запершись в крошечной комнатке на втором этаже, Маша честно призналась себе, что ей очень хочется сейчас оказаться на даче в Березках, у мамы с папой под крылышком, и не надо никакого моря, солнца, никакой взрослости и самостоятельности. Даже Сани ей не надо. Если бы он относился к ней серьезно, десять раз подумал бы, прежде чем отпустить сюда одну. Нет, конечно, свою голову тоже надо иметь на плечах. Но очень уж хотелось к морю. Все-таки с семилетнего возраста не была.

На следующее утро на пляже началось все сначала. Днем с гнусными предложениями стал подступаться торговец яблоками на рынке. Вечером она, конечно, никуда не пошла, пролежала на скрипучей пружинной кровати, жалея себя до слез.

А назавтра к хозяйке приехал сын, здоровенный, с утра поддатый парень, который походя шлепнул Машу по попе и подмигнул:

— Привет, жиличка. Что вечером делаешь?

— Простите, — вежливо обратилась Маша к хозяйке, — ваш сын со всеми так здоровается?

— Гос-споди! — презрительно сощурилась хозяйка. — Да кому ты нужна? Кожа да кости.

Вечером к хозяйкиному сыну пришли в гости два друга, такие же здоровенные и поддатые. Сама хозяйка куда-то удалилась, сын с друзьями стали звать Машу присоединиться к их компании, несколько раз поднимались на второй этаж, барабанили в дверь:

— Эй, жиличка, выпей с нами! Выйди, поговорить надо!

Маша поняла, что теперь не сможет выйти из своей комнаты даже в туалет. «Ну за что мне все это? — устало думала она, слушая стуки в дверь и пьяные вопли. — Я сдала сессию на все пятерки, я заслужила нормальный, здоровый отдых. Неужели нельзя, чтобы человека просто оставили в покое, не трогали, не замечали? Конечно, все в жизни относительно. Если подумать, что в Березках сейчас комары, и посуду надо мыть холодной водой, и негде даже искупаться в жару, старый барский пруд давно зарос тиной, а водохранилище слишком далеко и вода там грязная... В Березки к папе все время приезжают его аспиранты, надо каждый вечер пить чай во дворе и вести долгие умные разговоры, без конца хлопая злющих комаров. Конечно, умные разговоры — это очень мило и интересно, но если хочется помолчать и побыть одной, то деться в Березках совершенно некуда — в домике две комнаты, кухонька-пристройка, участок крошечный. Не гонять же до поздней ночи на велосипеде! И вообще, какая бы жара ни стояла в Москве, стоит мне приехать на дачу, сразу начинаются дожди. А здесь все-таки море, солнце. Может, зря я так болезненно реагирую на липких придурков, на этих пьяных во дворе? Ну что в самом деле может мне угрожать? Ничего плохого со мной пока не случилось. Так, мелкие гадости».

А на следующее утро дождь пошел здесь, в курортном городе. И кофе убежал. Пока Маша злилась на весь мир, от-

тирая тряпкой плитку, у нее за спиной возник похмельный и злой хозяйкин сын.

— Не уважаешь ты нас, жиличка, — выдохнул он ей в самое ухо, — смотри, здесь тебе не Москва.

* * *

— Всему же есть предел! — Генерал Фролов встал и заходил по кабинету. — Журналисты преспокойно шастают через границу на секретные военные базы террористов, берут у них восторженные интервью, потом рассказывают на всю страну о готовящихся террористических актах, а наши доблестные смежники узнают об этом последними с телеэкрана и из газет. Бандиты, числящиеся в официальном розыске, гордо вещают о своих подвигах на всю страну, им дружно аплодируют. А теперь у нас еще будет губернатор области — чеченская марионетка. Этак вся Россия скоро станет мусульманской военной базой! Сколько там реальных кандидатов?

— Из девяти — четыре, считая теперешнего губернатора. Я подготовил материалы по трем наиболее реальным фигурам. Но шансы у этих троих пока равны.

Маленький пухлый генерал бегал по кабинету, а высокий широкоплечий полковник Константинов сидел в кресле и смотрел на Фролова снизу вверх. Было три часа дня — самое жаркое время. Москва плавилась в лучах тяжелого солнца, воздух дрожал и слоился от жары и бензиновых испарений. В кабинете Фролова работал кондиционер, но все равно генерал без конца вытирал пухлую мокрую шею и, болезненно морщась, оттягивал тугой ворот летней форменной рубашки. Только что Константинов доложил ему о последних донесениях своих агентов с побережья. Просматривая сводку и слушая рассказ своего подчиненного, генерал недоумевал, почему такие важные сведения доходят до них с такой задержкой, всего за десять дней до выборов. Либо эти сведения не столь серьезны, как кажется, либо они слишком серьезны и кто-то заинтересо-

ван, чтобы полковник ГРУ Константинов, а стало быть, и он, генерал ГРУ Фролов, получили информацию как можно позже.

— А почему ты думаешь, — спросил Фролов, тяжело опускаясь в кресло за свой огромный, уставленный телефонами и заваленный бумагами стол, — почему ты думаешь, что на выборах победит именно чеченская марионетка, а не армянская, например?

— Чеченцы денег на ветер не бросают, — пожал плечами полковник.

Сквозь щель в опущенных жалюзи ударил солнечный луч. Ослепительно сверкнула большая медная бляха на одном из телефонных аппаратов. Пожилая уборщица каждый день надраивала до блеска зубным порошком герб бывшего Советского Союза на черном, образца семидесятых, аппарате правительственной связи. Солнечный зайчик ударил генералу в глаза, он поморщился, встал и поправил жалюзи, плотно прикрыв щель.

— Жара, — сказал он, возвращаясь к столу и вновь вытирая шею огромным носовым платком, — в Москве дышать нечем. Ты своих уже отправил куда-нибудь?

— Жена и сын с невесткой на Кипре.

— Вместе? — вскинул кустистые брови генерал. — Как у твоей Любы отношения с молодой невесткой? Сложилась?

— Ну, раз отдохнуть поехали вместе, значит, сложились, — равнодушно кивнул полковник.

— А моя благоверная с Ольгиным мужем ну никак не может найти общий язык. Все ей плохо. Ольга мне недавно говорит: «Никогда не думала, что наша мама станет такой классической злющей тещей». И правда, дочь замужем уже семь лет, внуков двое, но моей Ксении Николаевне все нейдет.

— Ревнует, наверное, — сочувственно вздохнул Константинов, — так бывает. Пришел чужой парень и увел единственную любимую дочку из семьи. Это проблема древняя, как мир. Теща — зять, свекровь — невестка.

— Древняя, — кивнул генерал, — однако никому от этого не легче. Слушай, Глеб Евгеньевич, о том, что Люба на Кипре, я и так знаю. Я о другом спросил.

Красивое, немного тяжелое лицо полковника ничуть не изменилось. Он прекрасно понял, о ком спрашивает генерал, но говорить с ним на эту тему, да еще здесь, в официальном кабинете, Константинову казалось не то что неловко, но как-то странно.

— Тебе, Глеб Евгеньевич, не мешало бы отдохнуть недельку на море. — Короткие генеральские пальцы отбили дробь по столешнице. — Как насчет бывшей всесоюзной здравницы, а, полковник? — Генерал откашлялся в кулак и покосился на Константинова.

— Да, товарищ генерал, я как раз хотел поговорить с вами о срочной командировке на побережье, ситуация критическая, и необходимо...

— Нет, Глеб, — жестко перебил генерал, — не надо никакой командировки, ну ее, командировку, ты отдохнуть туда полетишь. У тебя там, во всесоюзной здравнице, сейчас никаких служебных интересов. Только личные. Верно, полковник? Очень личные у тебя там интересы. — Фролов подмигнул и, вытянув губы, просвистел какой-то залихватский мотивчик.

Глеб Евгеньевич уставился в сверкающую бляху на телефоне правительственной связи. Ему становилось все неприятней. Да, в данный момент у него был весьма серьезный личный интерес на Черноморском побережье. Честно говоря, он готов был туда лететь, бежать, нестись сломя голову при малейшей возможности — как прошлым, и позапрошлым летом, и много лет подряд, независимо от агентурных данных и служебной необходимости. Но это не тема для разговора с генералом.

В санатории «Солнечный берег» каждый год отдыхала женщина, которую пятидесятилетний лысеющий полковник любил страстно и нежно, как мальчишка. Женщине исполнилось сорок. Она имела мужа и сына. Ни она, ни полковник

не могли уйти из своих семей в силу многих обстоятельств. Их роман длился одиннадцать лет. Кто-то знал о нем, кто-то догадывался. Но никто, даже непосредственный начальник Константинова генерал Фролов, не мог предположить, что десятилетний сын Елизаветы Максимовны Белозерской Арсений — сын полковника.

— В общем, мы с тобой договорились, Глеб. — Генерал в очередной раз вытер мокрую шею и оттянул ворот. — Ты отправляешься на побережье не по служебным, а по личным делам, к своей Лизавете. Ты в отпуске. Нормальные люди в такую жару в Москве не сидят. Если начнется вой в средствах массовой информации, не только моя голова полетит, но и твоя тоже. Мы не можем вмешиваться в ход предвыборной кампании, мать их. Не имеем права. Так что ты, Глеб Евгеньевич, отдыхаешь и наслаждаешься жизнью. — Фролов вскочил, прошелся по кабинету, поднес ладонь к решетке кондиционера, пробормотал себе под нос: «Ни хрена не работает», — и, круто развернувшись к полковнику, заговорил быстро, хрипло, еле слышно: — С марионеткой ты разберешься. А вот коли там в горах сидит Ахмеджанов, живой и выздоравливающий, и тебе удастся аккуратно вычислить его и доставить в Москву так, чтобы никто очухаться не успел, — вот тогда впору стать тебе сразу генералом. Хотя не дадут тебе генеральских погон. Слишком уж путаная у тебя личная жизнь. — Фролов развел руками и упал в кресло, тяжело отдуваясь.

— Ничего, — улыбнулся Константинов, — по мне и полковничьи погоны хороши.

— Обрати внимание на доктора Ревенко Вадима Николаевича, — продолжал Фролов, — он работает в областной больнице, считается самым талантливым хирургом в области. В последнее время частенько навещает в горы. Там, конечно, и беженцы, и местные жители нуждаются в медицинской помощи. Визиты доктора вполне понятны и законны. Но Ревенко пасут чеченцы и смежники вниманием не обижают. Ты перехвати инициативу, а то мало ли, вдруг

смежникам придет в голову взять хирурга. Знаешь, они ведь долго раскачиваются, а потом бац — и выдадут какую-нибудь глупость. Арестовать этого Ревенко — верх глупости. Если он и вправду выковыривает осколки из чеченцев, его можно отлично использовать в наших с тобой интересах. Понятно, что для своих полевых командиров, а тем более для Ахмеджанова, они возьмут не кого попало, а лучшего врача. Ты посмотри о докторе кое-какие материалы и подумай, как к нему лучше подступиться, чтобы, с одной стороны, не засветить его перед чеченцами или смежниками, а с другой — не спугнуть.

После ухода Константинова генерал стал задумчиво листать папку с материалами на трех кандидатов. Дерьма хватало на каждого — на всех поровну. Кто из них?

Читая предвыборную листовку кандидата на губернаторский пост с простой русской фамилией Иванов, генерал хмыкнул:

«Дорогие сограждане! Родные мои земляки! Выбирая нового губернатора, вы выбираете будущее своих детей. Вы устали от лживых заверений, будто те, кто хочет править вами, честны и бескорыстны. Вы знаете сами — никто не чист, никто не безгрешен. За каждым стоит криминальный капитал. А я, Вячеслав Иванов, не желаю вам врать. Я слишком уважаю и люблю вас, своих земляков. Да, за мной стоит и криминальный капитал в том числе. Но я использую его вполне сознательно. Я хочу вывести наконец теньвую экономику на свет Божий. Пусть она работает на нас!

Ни для кого не секрет, наш край давно уже находится в руках крупных криминальных структур. Воевать с ними — значит проливать кровь и в итоге проиграть. Пора наконец признать: только в союзе с ними мы сумеем превратить наш прекрасный край в Ниццу и Майами, сделать его крупнейшим и престижнейшим курортом мира.

С нами Бог!»

— Ну ты даешь, комсомолец! — развеселился генерал, глядя на фотографию кандидата. С фотографии радостно

улыбалась круглая, курносая физиономия. Ранняя лысина была прикрыта наискосок длинными светлыми прядями.

— Как моя дочка называет такую прическу? Внутренний заем! — вспомнил генерал и развеселился еще больше.

* * *

Дождь лил целый день. Внизу, у хозяйки, кричало радио, и Маша слышала уже в третий раз, что в Москве тридцать градусов жары, безоблачно и сухо.

«В Березках земляника поспела, — грустно думала она, — мама варенье варит. А я сижу здесь, в чужих четырех стенах, и даже читать не могу — так орет радио. Неужели не надоедает слушать с утра до вечера про памперсы-сникерсы и про чеченских террористов? А скоро она включит телевизор, начнутся сериалы. Она опять постучит мне в дверь и позовет смотреть. Она не представляет, как можно не смотреть сериалы. К вечеру проспится ее сынок, к нему опять явятся гости. И ради этих радостей стоило врать родителям? Они с таким трудом наскребли мне денег на дорогу, хотели, чтоб отдохнула девочка».

Маша была поздним, единственным, балованным ребенком. Мама родила ее в сорок, папе тогда уже стукнуло сорок восемь. Родители дрожали над ней, не давали шага ступить самостоятельно. С раннего детства Маша мечтала стать балериной, как мама. Но родители были категорически против.

— Ты можешь танцевать сколько угодно — для себя. Но ты должна иметь в руках серьезную профессию. Балетная среда тебя сожрет, ты же не умеешь за себя постоять.

Маша не понимала, почему мама считает свою балетную среду такой прожорливой, однако привыкла верить маме на слово и решила: если нельзя балериной, тогда — искусствоведом, как папа. Но родители опять не согласились.

— Посмотри, в какой нищете мы живем. По моим учебникам учатся студенты Европы и Америки, а я не могу ку-